

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.013:94(476.5)«1917/1923»

ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗГРАМОТНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВУЮ ПЯТИЛЕТКУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

канд. пед. наук, доц. Е.Н. БУСЕЛ-КУЧИНСКАЯ
(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

Рассматриваются вопросы ликвидации безграмотности среди взрослого населения в Витебской губернии в конце 1917 – начале 1923 гг. Количество стихийно учреждаемых ликпунктов в регионе возросло вплоть до 1920 г. Кризис финансирования повлек резкое сокращение ликпунктов в сельской местности. В городах ликпункты переводились на средства профсоюзов. Параллельно развивались другие формы идейно-просветительской работы для взрослого населения (клубы, курсы, вечерние школы, кружки и т.п.). Однако искоренить безграмотность среди взрослых в первую пятилетку советской власти не удалось.

Ключевые слова: Витебская губерния, ликвидация безграмотности, Витебская губернская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности.

Введение. 1917 – начало 1920-х гг. – сложный и противоречивый период в истории развития белорусской национальной школы. Масштабные преобразования после Октябрьской революции 1917 г. осложнялись драматическими событиями Первой мировой и Гражданской войн, социально-экономическим кризисом, непростым геополитическим положением белорусских земель. За относительно короткий временной промежуток территория Витебской губернии и ее государственная принадлежность неоднократно изменялись. Накануне так называемого «первого укрупнения БССР» в марте 1924 г. Витебская губерния фактически являлась частью РСФСР [1, с. 17].

В настоящее время отдельные аспекты народного образования Витебщины в первые годы советской власти рассматриваются в публикациях историков и краеведов Т.П. Ивановой, А.М. Подлипского, Г.Н. Яковлевой и др. Однако отсутствуют историко-педагогические работы, освещающие вопросы ликвидации безграмотности среди взрослого населения региона. Цель нашей статьи – проанализировать и показать процесс ликвидации безграмотности в Витебской губернии в конце 1917 – начале 1923 гг. Для подготовки публикации использованы дела, хранящиеся в фондах Государственного архива Витебской области (ГАВт), изданный в 1926 г. сборник докладов партийного и общественного деятеля И.И. Ходоровского, а также материалы периодической печати. Реализованы общелогические методы исследования (индукция и дедукция, анализ и синтез, сравнение и обобщение), методы историко-генетического и историко-системного анализа.

Основная часть. После 1917 г. перед советским государством встала задача в сжатые сроки ликвидировать безграмотность взрослого населения. Согласно положениям декрета «О единой трудовой школе РСФСР» (1918) допускалась организация «особых занятий» для лиц «по своим годам не могущих быть принятыми в школы» [1, с. 19]. Основательно процесс ликвидации безграмотности был закреплен декретом от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». [2, л. 153]. После 1920 г. его реализацией занималась Витебская губернская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (губграмчека).

В соответствии с текстом декрета от 1919 г. содействие государственной власти в борьбе с безграмотностью вводилось в обязанности грамотному населению. При этом рабочие и служащие для занятий в школах первоначальной грамоты должны были ежедневно освобождаться от работы на 2 часа с сохранением заработной платы [3, л. 18]. Школами для взрослых, предназначавшимися для первоначального обучения, являлись ликпункты (пункты по ликвидации безграмотности). Для лиц, записанных на ликпункты, посещение последних было обязательным [4, л. 201]. В государственном масштабе ликпункты преследовали задачи подготовки трудящихся к «активной работе в советском строительстве и к участию в культурной жизни страны». Образовательный процесс предполагал изучение азов русского или родного языка (чтение и письмо), математики (умение писать целые числа, простые дроби и, по возможности, считать десятичные дроби и проценты), а также идейно-политическое просвещение. Учитель, работавший на ликпункте, назывался ликвидатором. Помимо преодоления «технической» безграмотности учащихся учитель-ликвидатор должен был «ввести их в курс политико-экономической жизни страны путем чтения и обсуждения газет», чтобы в дальнейшем «приучить самих учащихся читать газеты и разбираться в их материале и письменно излагать свои мысли» [5, л. 23].

Практика обучения взрослых на Витебщине существовала ранее [1, с.17, 19]. После 1917 г. и до начала 1920-х гг. количество школ (курсов) для неграмотных и малограмотных стихийно возрастало. Как прописывалось в «Отчете о деятельности Витебской губернской чрезвычайной комиссии», «первоначальным производственным планом... по губернии было установлено функционирование 590 ликпунктов ... впоследствии количество ликпунктов сокращено до 215» [4, л. 215]. Необходимо заметить, что в 1919 г. расходы на нужды образования в РСФСР равнялись 11,6%. В последующем доля расходов на образование снизилась и к 1922 г. составляла лишь 3,5%. По свидетельству государственного деятеля И.И. Ходоровского, если в 1920–1921 гг. через пункты ликвидации безграмотности прошло 4 млн человек, то в 1922 г. РСФСР в силах оказались обслужить только 100 тыс. [6, с. 3, 5–6]. Недостаток финансирования повлек повсеместное сокращение ликпунктов. Витебская губерния не стала исключением. Как следствие, на Витебщине на начало 1922 г. оставалось 149 ликпунктов (таблица) [4, л. 215 об.–217 об.].

Таблица. – Количество ликпунктов в губернии на 01.01.1922 г.

Уезды	Общее количество ликпунктов (в городах)	Количество учащихся
Витебский	45 (34)	490 (Витебск)
Велижский	4	80
Городокский	1	40
Дриссенский	22	Нет сведений
Лепельский	1	17
Оршанский	6 (3)	120
Себежский	25 (3)	327
Сенненский	2 (1)	Нет сведений
Суражский	1	Нет сведений
Невельский	27	400
Полоцкий	15 (4)	Нет сведений
Итого	149 (45)	1474

Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод, что так называемая «первая ликвидационная кампания» в Витебской губернии фактически провалилась. Положение декрета от 1919 г. и требования губграмчека привлекать «в порядке трудовой повинности» грамотное население для борьбы с безграмотностью на практике игнорировались. Неграмотные рабочие и служащие для занятий на ликпунктах не освобождались от трудовых обязанностей [3, л. 18]. Существенным тормозом ликбеза в деревнях выступали общественные трудовые и гужевые повинности, отнимавшие у крестьянина весомую долю времени. Наконец, сами обучающиеся уклонялись от посещения школы по ликвидации безграмотности зачастую без всякой уважительной на то причины [7, л. 41]. Действия, принимаемые губграмчека для урегулирования данных вопросов, оставались безуспешными. Так, в ходатайстве об освобождении неграмотных крестьян от трудовых и гужевых повинностей на время обучения в ликпунктах губкомтруд (губернский комитет труда) отказал [4, л. 215–217 об.]. Практика запретов принимать подписи за неграмотных 18–30 лет, действующая в отдельных уездах [7, л. 41], также не решала существующие проблемы.

На основании директивы, изложенной в циркулярном предложении губграмчека от 4 октября 1921 г., с 1922 г. в Витебской губернии развернулась вторая «ликвидационная» кампания [4, л. 215]. Постановлением Витебского губернского исполнительного комитета № 1 от 2 января 1922 г. меры по проведению кампании ужесточались. Уклонение рабочими и служащими от обязанностей посещать ликпункты было чревато выставлением прогулов «со всеми вытекающими отсюда последствиями» [4, л. 195]. За невыполнение постановления на фабрично-заводское руководство налагались штрафные и другие санкции. «Борьба с заводоуправлением» носила эпизодический характер. Например, в 1922 г. за нарушения требований постановления № 1 администрация фабрики «Двина» была привлечена к ответственности, а трудящиеся на 2 часа освобождены от работы при сохранении выплат за часы обучения [4, л. 173–192 об.]. Говорить о массовости таких мер в настоящее время нелегко, поскольку не удалось обнаружить другие свидетельства действенности подобных мероприятий.

По принятому постановлению трудгужповинности для обучающихся в сельской местности могли заменяться трудгужналогом либо поровну распределяться между остальным населением [4, л. 173]. Ответственность за посещаемость обучающимися пунктов по ликвидации безграмотности возлагалась на председателей райисполкомов и сельский актив – «представителей деревень». За халатное отношение к установленным обязанностям предполагались штрафы в размере до 50 000 руб. Для сравнения, заработная плата советского учителя в указанные годы составляла 2400–14 800 руб. в месяц и была одной из самых низких по стране [6, с. 6; 8].

23–28 февраля 1922 г. Витебская губграмчека принимала участие в I Всероссийском съезде работников по ликвидации безграмотности [4, л. 143], по итогам которого была выработана резолюция. Согласно последней масштабы предстоящей работы следовало уменьшить «ввиду сокращения средств

на ликвидацию неграмотности». В поле зрения кампании в первую очередь попадали лица в возрасте от 18 до 30 лет из числа военнослужащих и милиции, а также членов профсоюзов, комсомола; в деревнях – работники колхозов и совхозов. Внимание было обращено также на юношей и девушек 14–18 лет. В отношении остальных категорий взрослого населения преодоление безграмотности объявлялась «делом добровольным» [4, л. 201].

С 1 марта 1922 г. в Витебской губернии все ликпункты и школы для взрослых снимались с государственного обеспечения. В городах они полностью переводились на средства предприятий [4, л. 199]. И если на начало марта 1922 г. при фабриках и заводах г. Витебска было 13 ликпунктов, то в мае того года уже 26 [4, л. 199, 200]. К работе по ликбезу были привлечены культотделы и профсоюзы, на которые в дальнейшем возлагалась вся ответственность за ликвидацию неграмотности среди рабочих и служащих [2, л. 101]. Экономия финансовых средств и недостаток подготовленного персонала вынуждали прибегать к взаимному обучению по принципу «грамотный, обучи неграмотного». На Витебщине такая практика действовала среди членов РКСМ, военнослужащих и милиционеров. Одновременно губграмчека принимала меры по снабжению ликпунктов керосином, письменными принадлежностями, учебными пособиями, формами отчетности и педагогическим персоналом, «стараясь качественно улучшить таковой» [4, л. 143–143 об.].

Циркуляром № 179 губернского совета профсоюзов от 30.09.1922 перед союзными органами (профсоюзами) был выдвинут ряд задач, среди которых – учет всех неграмотных в губернском масштабе, подготовка соответствующих помещений, взаимодействие с местными отделами народного образования для получения педагогических сил, заготовка канцелярских принадлежностей. Наконец, профсоюзными организациями необходимо было разработать меры привлечения учащихся в школы и договориться с хозорганами об их освобождении 3 раза в неделю на 2 часа от работ [2, л. 5; 9, л. 101].

В 1920-е гг. в Витебске были созданы профсоюзы кожевников, строителей, химиков, текстильщиков, советских партийных работников, работников народного просвещения, народной связи, народного питания, а также рабочих и служащих лечебно-санитарных учреждений. Поскольку посещение ликпунктов было обязательным для зарегистрированных в них и формально налагало строгую ответственность на определенный круг должностных лиц, развивались более «мягкие» формы – вечерние школы и курсы для взрослых, кружки, клубы, читальни и т.п. Например, в Витебске профсоюз кожевников, помимо 3 ликпунктов, располагал 2 клубами, читальней, драмстудией, духовым оркестром, спортплощадкой. Профсоюз текстильщиков имел 4 ликпункта, а также школу для малограмотных, духовой и струнный оркестры и т.п. Профсоюзные культурно-просветительские учреждения действовали в некоторых уездных городах: ликпункты и рабоче-партийные клубы, библиотеки, курсы и школы для взрослых были отмечены в Себеже, Полоцке, Невеле, Орше [10, л. 187–187 об.; 11, л. 174].

В указанное время в губернском городе действовал рабочий клуб имени Парижской коммуны. При клубе постоянно работали ликпункты и школы [4, л. 61, 113 об., 120], а также функционировали кружки: «марксистский», политический, естественно-научный, технический, литературный, драматический. Периодически организовывались лекции по географии, естествознанию, политическому просвещению и научному атеизму, к примеру, «Ископаемые предки и происхождение человека», «Государство и религия», «Новый кодекс законов о труде» и др. [4, л. 79 об, 109, 112]. В протоколе заседания правления клуба имени Парижской коммуны от 18 мая 1923 г. зафиксировано: «Массовая работа выразилась в проведении ряда лекций, на которых присутствовало свыше 15 000 человек». В мае 1923 г. в целях политического просвещения курсистов клуба было организовано ежедневное вечернее чтение газет вслух [9, л. 110, 112].

Клуб имени Парижской коммуны считался «общесоюзным» и предполагал просвещение всех трудящихся Витебска. Силами клуба не позднее 1 сентября 1922 г. были открыты одногодичные общеобразовательные вечерние курсы для неграмотных и малограмотных [4, л. 52]. По социальному положению 75% курсистов были рабочими, 10% – служащими, 10% – красноармейцами, 3% – инвалидами, 2% – «прочими». 60% из них знали только устный счет, сложение и вычитание на счетах, начертание чисел до 100, «остальные в детстве обучались в талмуд-торах или начальных школах, где проходили начальные действия над числами, но все это позабыли» [9, л. 136]. Анализ материалов архива позволяет сделать вывод, что в 1920-е гг. названные курсы выступали своеобразной площадкой для педагогических новшеств и экспериментов в духе своего времени. Внимание заслуживает методика обучения математике, предложенная учителем Фивейским (фамилия может быть другой, поскольку в изученных нами документах прописана неразборчиво). На основе учета и анализа социального состава курсистов педагог «построил в каждой группе свой материал так, чтобы, используя умственное развитие и [имеющиеся] знание ... вводить [их] постепенно в круг новых сведений» [9, л. 136]. Проработанный учителем материал условно разбивался на 5 групп:

1) материал из рабочей жизни учащихся – расчетные книжки, квитанции, бумажные ассигнации и т.п. Из «жизненного материала» учащиеся получали задачи на вычисление процентов. Например, портной за 2 недели пошил 9 пар брюк, 6 жилетов и 9 гимнастерок по определенным ценам. В течение этих 2 недель было 2 праздника. Из полученной платы за работу отчислено 4% в профсоюз, 1% в диспансер. Сколько денег полагается получить портному? Подчеркивая прикладной характер такого обучения, учитель поведал историю

с учеником, который, применив знание на практике, проверил сумму своего жалования и выяснил, что наниматель его обманул. После занятий ученик побежал к хозяину требовать недоданных ему денег;

2) материалы периодической печати местного значения (о взимании квартирного налога, плата за квадратную сажень жилой площади в коммунальных домах и т.п.), а также имеющие общегосударственное или мировое значение – убыль населения от голода в республике, выпуск бумажных денег в 1922 г., ценность одного рубля 1923 г., ценность рубля и марки, подоходное обложение лиц с высокой заработной платой и т.д.;

3) статистический материал, имеющийся в разных журналах, отчетах, сборниках, календарях и т.п.;

4) цифровой материал по таблицам экономической географии и статистического бюро труда;

5) случайный материал (школьная анкета, производственный план, выигранный заем и т.п.).

Принцип «жизненности» применялся при научении построения графиков. Так, учитель давал задание, высчитать, сколько лет деятелям революции Ленину, Троцкому, Зиновьеву и др., а затем построить график их возрастов [9, л. 136 об.].

На вечерних курсах учительницей Коршуновой «применялся метод обучения русскому языку по газетам взамен хрестоматии». Как было оговорено в отчете, «результаты этого метода не обнаружались в полной мере, но имеющимися данными [Коршунова] довольна» (14 июня 1923) [9, л. 121].

Определенную просветительскую работу среди взрослого населения проводил профсоюз рабочих и служащих лечебно-санитарных учреждений (всемедикосантруд). Так, в феврале 1923 г. по субботам в Доме санитарного просвещения Витебска для широких народных масс организовывался цикл лекций-бесед по гигиене, сопровождающихся демонстрацией препаратов и теневых картин на экране [9, л. 59].

Основными тормозящими факторами проведения второй «ликвидационной» кампании обозначались скудость финансовых средств, отсутствие должного методического обеспечения, недостаточная подготовка работников и «общая слабость» органов управления политико-просветительской работой (уполитпросветов) [10, л. 11; 12, л. 1]. Вместе с тем материальная сторона обстояла сравнительно благополучно. Как было прописано в отчете, по уездам в достаточном количестве имелось учебных пособий. Среди них – буквари Элькиной и журналы «Долой неграмотность...», «Буквари крестьянина» Голанта и т.п. [10, л. 11].

В 1923 г. в планы Витебской губграмчека входило восстановление сети ликпунктов в уездах. В частности, предполагалось открытие по одному пункту на волость, прежде всего, при совхозах и «приписных хозяйствах» [10, л. 11]. На 1 февраля 1923 г. количество ликпунктов в сельской местности достигло наиболее низкой отметки – 17, однако впоследствии наблюдался незначительный рост. На 15 мая 1923 г. общее количество ликпунктов равнялось 25, включая школу грамоты при Лесковичской трудовой колонии для лишенных свободы в Витебском уезде [10, л. 11–12 об.]. В целях стимуляции посещений деревенских ликпунктов предполагалось включить в программу последних преподавание сельскохозяйственных знаний [4, л. 143 об.].

В марте 1923 г. перед Витебской губграмчека были поставлены новые задачи в борьбе безграмотностью [9, л. 10, 11, 88]. Очередная «ликвидационная» кампания намечалась под лозунгом «1 мая 1924 г. – праздник грамотности передовых рабочих». Центр тяжести по ее реализации переносился на партийные органы, женотделы, профсоюзы, сельский актив, допризывников, служащих в рядах Красной Армии и прочее «организованное население». Согласно циркуляру Главполитпросвета РСФСР от 2 марта 1923 г. Витебской губернской чрезвычайной комиссии следовало связаться с уездными бюро профсоюзов (упрофбюро) с целью произвести учет всех неграмотных и малограмотных членов профсоюзных организаций и строго отслеживать количество лиц, окончивших ликпункты. Требовалось проводить усиленную работу на местах по привлечению в них безграмотных. Не позднее 1 января 1924 г. каждая профсоюзная организация должна была разработать план ликвидации безграмотности «организованного пролетариата», изыскать необходимые на это средства. Полное искоренение неграмотности среди всех слоев населения было запланировано к 10-летию юбилею Октябрьской революции, т.е. к 1927 г. [6, с. V; 9, л. 91]. Впоследствии данное решение было закреплено резолюцией «О ликвидации неграмотности среди взрослого населения РСФСР», принятой на XI Всероссийском съезде Советов 29 января 1924 г.

Была пересмотрена система поощрительных мероприятий и взысканий в деле ликбеза. В частности, признавались обоснованными требования профсоюзов включить в коллективные договоры положения об освобождении от трудовых обязанностей трудящихся на время обучения в ликпунктах. В свою очередь, профсоюзы обязались разработать и внедрить ряд принудительных и поощрительных мер для увеличения посещаемости школ первоначальной грамоты. Для широкого привлечения активных работников к делу ликбеза было рекомендовано установить премирование особо выдающихся за организацию и проведение работы и заносить на красную доску учреждения, в которых работа по ликвидации неграмотности была поставлена образцово. Одновременно «во избежание уменьшения посещаемости в связи с летним периодом обучающимся в ликпунктах летние отпуска рекомендовалось давать только по окончании школ» [9, л. 91–92].

Заключение. Таким образом, в первые послереволюционные годы борьба с неграмотностью взрослого населения стремительно набирала обороты. В Витебской губернии стихийно учреждались

ликпункты, деятельность которых в дальнейшем была регламентирована декретом от 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Проведение последнего всецело возлагалось на государственные органы, которые представляла учрежденная после 1920 г. Витебская губернская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности. Фактический максимум по количеству учрежденных ликпунктов был достигнут к концу 1920 г. Однако первый этап «ликвидационной» кампании оказался безуспешным. Свернуть темпы проведения мероприятий по ликбезу вынуждал недостаток финансирования. В 1922 г. советская власть приступила к очередному этапу кампании. В условиях дефицита денежных средств были учтены промахи предыдущего периода и разработана система не только карательных, но и поощрительных мероприятий. Внимание губграмчека было сосредоточено на «организованном пролетариате» 18–30 лет. Ответственность за претворение второй «ликвидационной» кампании в сельской местности возлагалась преимущественно на представителей местной власти и сельский актив, в городах – на профсоюзные организации. Так или иначе, количество ликпунктов в уездах незначительно возрастало. В городах развивались разнообразные формы просветительской работы со взрослым населением – клубы, кружки, курсы, школы и т.п. В марте 1923 г. перед Витебской губграмчека была поставлена очередная задача: не позднее 1 января 1924 г. каждая профсоюзная организация должна разработать план ликвидации безграмотности «организованного пролетариата», изыскав необходимые на это средства. Полное искоренение неграмотности среди всех слоев населения было запланировано к 10-летию Октябрьской революции. Однако, как показала дальнейшая история, этих планов достичь не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусел-Кучинская, Е.Н. Основные направления строительства советской школы на белорусских землях в 1917–1924 гг. (по материалам Витебской губернии) / Е.Н. Бусел-Кучинская // Весті БДПУ. – 2017. – № 4. – С. 17–21.
2. ГАВт. – Ф. 41. Витебский губернский совет профессиональных союзов (Витгубпрофсовет) Всероссийского центрального совета профессиональных союзов, г. Витебск Витебской губернии. Оп. 1. Д. 385.
3. ГАВт. – Ф. 2268. Витебский губернский военно-революционный комитет (Витебский губвоенревком), г. Витебск Витебской губернии РСФСР. Оп. 1. Д. 27.
4. ГАВт. – Ф. 41. Оп. 1. Д. 328.
5. ГАВт. – Ф. 2289. Коллекция периодической печати, тематических подборок периодической печати и неперiodических изданий. Оп. 2. Д. 77.
6. Ходоровский, И. На фронте просвещения : Статьи и речи / И. Ходоровский. – М. – Л. : Гос. изд-во, 1926. – 176 с.
7. ГАВт. – Ф. 83. Руднянский волостной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет (Руднянский волисполком), д. Рудня Городокского (с 15.02.1923 – Невельского) уезда Витебской губернии (с 10.03.1924 – БССР). Оп. 1. Д. 4.
8. Белова, Н.А. Заработная плата советских учителей в 1920–1960-е гг. / Н.А. Белова // Ярослав. пед. вестн. – 2011. – № 1. – С. 36–38.
9. ГАВт. – Ф. 41. Оп. 1. Д. 483.
10. ГАВт. – Ф. 41. Оп. 1. Д. 480.
11. ГАВт. – Ф. 41. Оп. 1. Д. 482.
12. ГАВт. – Ф. 41. Оп. 1. Д. 479.

Поступила 06.07.2019

ELIMINATION ILLITERACY IN VITEBSK PROVINCE IN THE FIRST FIVE YEARS OF SOVIET POWER

E. BUSEL-KUCHINSKAYA

The article deals with the elimination of illiteracy among the adult population in the Vitebsk province in late 1917 - early 1923. The number of literally established literacy schools increased until 1920. The funding crisis caused a sharp reduction in literacy schools in rural areas. In the cities of the school letters were transferred to the funds of the trade unions. At the same time, other forms of ideological education for adults (clubs, courses, evening schools, etc.) developed. However, it was not possible to eradicate adult illiteracy in the first five-year plan.

Keywords: *Vitebsk province, elimination illiteracy, Vitebsk provincial extraordinary Commission for the elimination illiteracy.*